

Октябрь

**СТО ЛЕТ
МИНУС
ПЯТЬ**

12 2019

Денис Осокин
Марта Антоничева
Ксения Викторовна Драгунская
Анна Александровна Матвеева
Ольга Сульчинская
Борис Мессерер
Игорь Савельев
Дмитрий Алексеевич Данилов
Дмитрий Петрович Бак
Булат Ханов
Тимур Валитов
Кирилл Рафаилович Кобрин
Марина Магомеднебиевна Ахмедова
Денис Викторович Драгунский
Алексей Борисович Сальников
Александр Сергеевич Бушковский
Геннадий Викторович Вдовин
Женя Декина
Юрий Викторович Казарин
Руслан Сафербегович Омаров
Евгений Анатольевич Попов

**Борис Дорианович Минаев
Владимир Иванович Салимон
Павел Владимирович Селуков
Вячеслав Николаевич Курицын
Анаит Суреновна Григорян
Юбилейный выпуск
журнала Октябрь**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48936901*

Аннотация

«Сто лет минус пять» отметил в 2019 году журнал «Октябрь», и под таким названием выходит номер стихов и прозы ведущих современных авторов – изысканная антология малой формы. Сколько копий сломано в спорах о том, что такое современный роман. Но вот весомый повод поломать голову над тайной современного рассказа, который на поверку оказывается перформансом, поэмой, былью, ворожкой, поступком, исповедью современности, вмещающими жизнь в объеме романа. Перед вами коллекция визитных карточек писателей, получивших широкое признание и в то же время постоянно умеющих удивить новым поворотом творчества. Это многолетние авторы журнала «Октябрь», такие как Борис Мессерер, Вячеслав Курицын,

Денис Драгунский, Борис Минаев, Евгений Попов, Ксения Драгунская, Денис Осокин, Владимир Салимон, Дмитрий Бак, Кирилл Кобрин, и те, кто сравнительно недавно дебютировал и в литературе, и на наших страницах: Дмитрий Данилов, Алексей Сальников, Павел Селуков, Булат Ханов, Анаит Григорян, Александр Бушковский и другие. Завершает нашу журнальную антологию обширная дискуссия ведущих критиков о премии «Поэзия», запущенной в год юбилея журнала, и публикация первых лауреатов премии со вступительным словом ее куратора Виталия Пуханова.

Содержание

Журналу «Октябрь» – 95 лет	6
Денис ОСОКИН	9
Денис ДРАГУНСКИЙ	19
Евгений ПОПОВ	30
Марина АХМЕДОВА	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Журналу «Октябрь» – 95 лет

Сто лет минус пять

Наш юбилейный номер – уникальная антология лучших достижений литературы, свидетельство бесконечно расширившихся возможностей короткой прозы.

Пять лет назад, в свои девяносто, мы уже посвятили весь праздничный номер «Рассказу с ладонь» и малой прозаической форме. Подобно тому как сменяются поколения, сменяются и жанры: сегодня рассказ вновь поднимается на вершину литературы, сосредоточивая в себе все те социальные смыслы, остроту и артистическую энергию, носителем которых в прошлом и позапрошлом веке выступал русский роман. На наш взгляд, современная литература аккумулирует в этом жанре стремительную изменчивость сегодняшнего быстрого времени.

Не изменяя себе, «Октябрь» продолжает вести художественную летопись литературы и страны. Девяносто пять лет своей истории журнал выступает площадкой, на которой встречаются экспериментальное дерзновение и сила традиции, блистательные мастера и многообещающие дебютанты.

Журнал «Октябрь» – действующий центр литературной жизни, благодаря которому создаются новые связи между автором, читателем, издателем, премиальными комитетами,

филологическими кафедрами вузов. Журнал активно участвует в литературных событиях, выпуская специальные номера и целевые блоки материалов, посвященные значимым совместным литературным проектам как внутри страны (фестиваль «Аксёнов-фест» в Казани, Литературное собрание в Петрозаводске), так и в сотрудничестве с другими странами (российско-французский «Литературный экспресс», Фестиваль российской литературы в Сен-Мало, Российско-китайский литературный форум и др.), да и сам не раз был организатором такого рода проектов (проекта «Шелковый путь поэзии», Международных одесских фестивалей, Международной конференции по актуальным проблемам современной литературной критики).

«Октябрь», чей первый номер увидел свет в мае 1924 года, первым в стране вышел из-под ведомственного подчинения и в 1990 году зарегистрировался как независимое издание № 1.

Его история – летопись золотых имен русской литературы. На страницах журнала выступали Михаил Шолохов и Владимир Маяковский, Андрей Платонов и Юрий Олеша, Сергей Есенин и Михаил Зощенко, Александр Твардовский и Алексей Толстой.

Позднее на смену им пришли Виктор Астафьев и Фазиль Искандер, Владимир Маканин и Юрий Нагибин, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко.

Запрещенные советской цензурой стихи и прозу Анны

Ахматовой и Владимира Набокова, Василия Гроссмана и Фридриха Горенштейна, Александра Галича и Вячеслава Ходасевича тоже опубликовал «Октябрь». Он же открыл для российских читателей творчество Абрама Терца, Сергея Довлатова, Саши Соколова.

Здесь печатались мастера современной российской словесности, произведения которых стали классикой двадцатого века. Журнал также активно работает с авторами, начинающими свой путь в большую литературу. Наиболее яркие примеры тому в прошлом – Светлана Алексиевич, Татьяна Толстая, Алексей Варламов, Павел Басинский, Олег Павлов и другие. И в наши дни первые произведения многих молодых писателей обрели свой дом под обложкой «Октябрь».

Перед вами номер, где писатели разных направлений и поколений: постоянные авторы «Октября» и те, кто раньше не выступал на наших страницах или только недавно вошел в литературу, поздравили журнал не изысканными словами и восторженными эпитетами в наш адрес, а своими произведениями высочайшей художественной пробы.

Девяносто пять лет журналу – не многие издания в мире литературы могут похвастаться таким долголетием! С этим и поздравляем всех наших читателей и себя!

Денис ОСОКИН

йүд орол

Ночной караул

колокудо 2018

1

километр или полтора – между жилой деревней колокудо и нежилой маскародо. колокудо – значит двадцать домов. маскародо – род медведя. кроме названий я о них помнил только огромные, не по-земному огромные просто березы – высоченные, толстенные – в окрестностях этих деревень. или ветлы... а больше ничего. моя мама из маскародо. и я бывал здесь в глубоком детстве – когда живы были мамины родители. а сейчас и мамы давно уже нет. и дом тот стоит очень страшный. наверное.

2

я не был здесь двадцать восемь лет. хотя от города где я вырос и живу – до маминых деревень километров семьдесят. так вот вышло. а еще вышло вдруг что в день своего тридца-

типятилетия я поспорил с своей невестой, олей – хватил о стену телефон, сунул в сумку одеяло и пасту с щеткой, поймал на улице такси и поехал в колокудо. переночевать думал в мамином родительском доме в маскародо – если он еще вообще на земле стоит. а если развалился – в колокудо к кому-нибудь попрошусь. там должны помнить мамину семью. а может быть и меня. я ведь – олеш. или даже по-детски-марийски – оль. алексей по паспорту. шла уже вторая половина дня. и месяц стоял – октябрь.

3

я ехал и думал: зачем? зачем?.. и нас было жалко с олей – и телефон – и ночь предстояла неизвестно какая – но точно уж не уютная. на трассе хотел развернуть машину несколько раз – но всякий раз вспоминал оины слова – леденел и не разворачивал. здравствуй, колокудо. ни души. только висит красный таксофон на столбе. снял трубку – работает. здравствуйте, березы. все-таки березы вы. отыскав за деревьями и кустами дорогу на маскародо я пошел по ней и очень жалел что не подумал взять сапоги – сразу же весь устряпался. птицы, деревья и мелкая вода были моими спутниками. но я дошел. и вошел в улицу. деревня лежала неживая – и красок в ней не было. только дерево и изредка камень – невидимого цвета – цвета пустоты. даже улицей идти было трудно – потому что она заросла. хорошо что осень сейчас – не

зеленое лето. дома по обе стороны были разной величины, разного возраста – но все пустые. а дом в который приехал я оказывается все еще стоял. я зашел за ворота. ну и как я буду здесь теперь?

4

никак не буду. буду никак. я ведь этого и хотел. за этим и ехал. я сидел на сломанном стуле за сломанным столом и смотрел в сломанные окна прямо в заросли чего-то сломанного. кроватей не было. голодному и холодному мне видимо предстояло просидеть вот так до утра, может быть что-нибудь понять, чего-нибудь заметить – а скорее всего ничего не понять, ничего не заметить, только очень намаяться – и утром вернувшись в колокудо, а от него дотопав несколько километров по грязи до трассы уехать отсыпаться в город. но я немного ошибся. темнело стремительно. на подоконнике и части стены рядом с ним лежала лужица света и таяла. я за нее держался глазами. а как только она совсем исчезла – в окно постукали палкой.

5

- привет. раз приехал – выходи.
- привет. вы кто?

- мы от пожара деревню караулим.
по-марийски говоришь?
- нет.
- а. ну ладно. выходи – заговоришь.
- а что караулить если тут никого?
- значит пусть горит?
- и потом – с чего ты взял что тут никого?
- а кто здесь?

6

- ты идешь или нет?
- у меня нет сапог.
- мы тебе всё дадим.

7

я вышел на улицу. и никого не увидел. только палки и фонарики окружили меня со всех сторон. я почувствовал что на мне телогрейка и шапка, на руках вязанные перчатки, а на ногах сапоги до колен с сухими теплыми вкладышами. и – я думал и говорил на марийском.

- куда мы пойдём?
- да по деревне.
- до утра?
- до утра. ты голодный?

– не очень.

– хорошо. еды с собой полно.

голоса были и мужские и женские. вернее сказать – мальчишечьи и девчоночьи – молодежь. взрослых было двое всего. но может быть караульных было больше – и кто-то молчал? мы пошли улицей – от моего дома в дальний конец маскародо. не спрашивая – я теперь сам всё прекрасно знал о ночном карауле и о том как он обычно проходит и скорее всего пройдет и на этот раз.

– сколько вас?

– восемь. ты – девятый.

– многовато сегодня.

– ну так младшие вон увязались, обрадовались, интересно им.

– ну да.

8

на йүд орол выходят каждую ночь – по известному всем порядку – от семьи к семье. как на дежурство – ну так это дежурство и есть. как на общественное пастушество – все по очереди. делать ничего особо не надо – сидеть где-нибудь то там то тут – обойти деревню несколько раз, а если вдруг дым или пламя – всех будить, всем тушить – всё просто. чаще всего караульные сколачивали приятные-дружеские компании, не обязательно родственные, просто ответственность

лежала каждую ночь на конкретной семье – садились где-нибудь вплотную к деревне, при этом вне ее чтобы никому не мешать, в месте откуда всё хорошо было видно – жгли небольшой костер с чайником, большой нельзя, а то от пламени потеряешь зоркость, разговаривали и молчали, смеялись и пугали друг друга, а если кто в кого был влюблен – ну так они в темноте и за руки еще держались... я шел и обнаруживал внутри себя глубокую-яркую радость – я же так обожал эти ночные хождения. и даже бывал на них старшим лет с четырнадцати. а если летом – это ж вообще роскошь... мой бог... да меня ведь этот йүд орол и воспитал... просто – самим своим существованием. и я не сумею назвать для себя более сильных и внятных учителей. даже роши-кюсото не были так убедительны... святые места мне нравились, волновали – но сердечное общение с ними я всегда откладывал на потом. а йүд орол был всегда – как палка, как собака, как день и ночь. и я ждал его. я его по-настоящему любил. а через него и с его помощью – по-настоящему любил весь мир и себя в нем.

9

мы охраняли только маскародо. в колокудо была своя стража. но поскольку деревни совсем рядом – мы обязательно встречались между ними за ночь хотя бы раз. здоровались и какое-то время сидели вместе. а потом расходились. ко-

гда встречались – оставались вместе ровно столько сколько нам этого хотелось. компании караульных бывало что совпадали по духу и дружбе – а бывало что нет. я не удивлялся тому что обо всем этом знаю. как не удивлялся ночной своей теплой-удобной одежде, своей возбужденной радости, своему языку, который так ладно и складно и влажно зажил во мне, вернее и стал мной. я по-прежнему не видел вокруг себя никого – только слышал, видел же палки-фонарики и темную-темную деревню. и она была брошена, пуста. только тревоги это больше не вызывало. обратиться же с вопросом ‘кто вы?’ к тем кто пришел ко мне под окно и меня вызвал – я не мог: я понимал животом и спиной что это грубо, что этого делать не стоит. захотят – представятся. а нет – так и не надо значит. тем более что я уже ведь спросил – с этого вопроса и начал наш разговор. кто вы? – мы йүд орол, охраняем от пожара деревню. и меня сразу же напрочь покинул страх – а чувство самосохранения стучало моей кровью спокойно-спокойно. более того – так спокойно мне не было очень давно, многие годы, может быть никогда. и я наслаждался – покоем, своими шагами, невидимыми товарищами, бесстрашием, красотой.

10

а еще я не спрашивал – потому что знал с кем я сейчас в ночном карауле. ни с кем иным – как с судьбой. с чистой

судьбой. вот значит какая она из себя. надо ли мне что-то делать, пользоваться моментом? спрашивать или просить или спешить или к чему-нибудь подготовиться..? мои мысли были видны – мне сразу ответили – и я ответил:

– да нет, не надо.

– ну да, не надо.

– просто встреча?

– да. просто встреча.

– и ничего?

– и ничего, олёш.

11

мы ходили, ходили. ходили, ходили. перекусывали. жгли костер. потом тушили его. перекусывали снова. было вкусно. сидели на краю болотца на поваленном стволе. говорили мало. а иногда побольше. стояли в поле. сидели на крыше самого высокого дома в маскародо – забирались туда прислонив лестницу что валялась в том дворе. доходили до колокудо пару раз – и здоровались с тамошними ночными сторожами и поворачивали обратно. а потом стало понемногу светлеть – и я остался один. в одежде в которой приехал. стал мерзнуть, особенно ноги. попытался вспоминать марийские слова – и не вспоминал ничего кроме того что знал раньше –

здравствуйте, до свидания, слова с уличных вывесок и бутылочных этикеток... я же не был здесь двадцать восемь лет. и никогда не ходил в ночной караул – не успел по возрасту просто. перед тем как мне исполнилось семь я перестал сюда приезжать. но в этом ночном карауле я был. и во всех оживших во мне караулах – был тоже. я ничему за эту ночь не научился. я не хочу теперь даже говорить. не встретился с мамой и с ее родителями, ни с жителями маскародо, оставившими свои дома и поверхность земли. а разве я этого хотел? нет ведь. вот таких встреч можно было бы и впрямь испугаться..

12

мне очень захотелось сделать бумажный самолетик. только сделать его было не из чего. один девчоночий голос из наших караульных – голос который мне больше всех понравился и больше всех меня согревал – голос который другие называли таней, наверно невеста моя, судьба, с ней бы мы никогда не ругались – сказал в какой-то момент этой нехитрой однообразной ночи: я люблю бумажные самолетики. когда я вспомнил об этом – я был совсем в другой стороне от дома, с которого все началось – на дороге к колокудо. несмотря на зябкость и сырость в ногах – я вернулся в маскародо в дом, бывший когда-то нашим. а теперь и всю почти жизнь он и вовсе мой. или и мой тоже. только зачем он мне?.. вернулся

найти там бумагу. ничего путного не нашел. оторвал от стены кусок обоев. сложил самолетик. и пошел в колокудо снова.

13

я шел и пускал самолетик впереди себя. поднимал – пускал снова. поднимал – пускал снова. иногда он летел вбок. иногда планировал в лужи – и я к нему бежал – чтоб не размок совсем. и мне кроме этого ничего не хотелось делать больше. и никто мне не нужен был. никто кроме нас – дороги между маскародо и колокудо в месяц и час когда на ней никого не встретишь, самолетика из обоев и меня.

Денис ДРАГУНСКИЙ

Звери

рассказ

Тамара и Никита поехали раздавать гуманитарную помощь беженцам. Помощь была расфасована в одинаковые картонные коробки. Коробок было пятьдесят шесть, точно по числу беженцев, которых временно поселили в бывшем пионерлагере «Валентина», сто километров от Москвы. Тогда эти лагеря еще не снесли и не понастроили на их месте коттеджные поселки или просто виллы для богатых. Был, кажется, девяностый год. Апрель. Воскресенье. Одиннадцать часов.

Тамара была штатной сотрудницей российско-немецкого фонда «Гуманус», а Никита – членом общественного совета. Тамара была за рулем. Она быстро и ловко вела небольшой фургончик, иногда посматривая на бумажную, вытертую на сгибах карту – никаких навигаторов тогда еще не было. Никита сидел рядом, глядел на поля, уже совсем обтаявшие, покрытые нежно-коричневой прошлогодней стерней. Было скучно. Он зевал и переводил взгляд на Тамару, гадал, сколько ей лет: наверное, под тридцать или чуть больше, но все равно моложе него – ему-то в июне исполнялось сорок. Она была в жилете со множеством карманов, в туговатой юбке

камуфляжной расцветки, в тяжелых ботинках и шерстяных носках, скатанных книзу. Ноги были голые, потому что было не холодно, даже почти тепло.

Съехали с большого шоссе на узкую асфальтовую дорогу.

– Еще пятнадцать верст, – сказала Тамара.

– То есть полчаса?

– Примерно... – кивнула она и добавила: – Их специально в чертовой жопе селят, до электрички четыре часа пешком пилить, а автобус давно не ходит.

– Специально?

– Ну да. *Чтоб не расползлись.*

Никита внутренне поежился, услышав такое презрительное к людям слово, но виду не подал, лишь спросил, как же они поступают, если что-то вдруг случится.

– Есть машина у начальника лагеря. Скорую можно по радиции вызвать. Пожарных и ментов. И полевая кухня приезжает каждый день. Так что не кисни, Никита Николаевич. Всё гуманно, высший сорт! Ничего, что я на «ты»?

То есть она поняла, что он тайком возмутился. Какая чуткая – страшное дело.

Ответил:

– Да, конечно, давай на «ты».

Приехали.

Там в лагере было два дощатых «спальных корпуса» и что-то вроде клуба со столовой. Тамара поставила машину около крыльца. Посигналила.

Подбежали человек пять, мужчины и женщины.

– Где начальник? – Тамара вылезла из кабины.

– В Егорьевск уехал, – ответил пожилой мужик. – Сказал, в обед будет.

– Ладно, – сказала она. – Обойдемся. Собирайте народ! – и посигналила еще раз, долго и пронзительно.

Никита тоже вышел из кабины, огляделся. Тоскливый вид, однако: пустое поле, вдали тощий лесок, разбитая дорога.

Люди из спальных корпусов шли, почти бежали, к машине.

Когда они собрались, Тамара открыла заднюю дверцу фургона.

– Внимание! – сказала она. – Мы приехали от гуманитарного фонда. Привезли вам помощь. Посылки типа. В каждой посылке рис, сахар, масло, конфеты, печенье, халва, джем, – она загибала пальцы, – мыло, тушенка. Еще зубная паста. Вроде всё. На каждого человека по одной посылке. Есть парни поздоровей, чтоб мне самой коробки не таскать?

Выдвинулось двое мужчин лет сорока. Подошла еще одна

крепкая тетка.

– Под расписку выдаете? – спросила она. – По паспорту?

– Нет, – сказала Тамара. – Всё на доверии. Ну, понеслась... Эй! Ты чего творишь? А ну, отдай! – закричала она.

Потому что эта тетка, подождав чуточку, вдруг схватила сразу две посылки и побежала к отдаленному корпусу.

– Стой! Отдавай! – кричала Тамара ей вслед.

– Она вообще-то с дочкой, – сказал какой-то мужик.

– Тогда ладно, – успокоилась Тамара.

– Ай-ай-ай, да не очень ладно! – распевно сказал другой мужик. – Дочка уже хватанула! Вон они бегут, вон!

Да, две женские фигуры бежали по размокшей тропинке, тащили коробки.

– Суки! – заорала Тамара и побежала за ними.

Никита вдруг испугался за нее и побежал следом.

Вбежал в корпус, по коридору двинулся на крики, распахнул дверь комнаты и увидел, что мать и дочь лежат на полу, не позволяя Тамаре залезть под кровать и вытащить лишнюю посылку.

Тамара встала с четверенок, начала яростно объяснять, что ей самой не жалко, но кто-то из беженцев – «из ваших соседей, из ваших товарищей, ясно вам?!» – останется без передачи. Без сахара, печенья и варенья. «Не стыдно?!» Мать и дочь, не вставая с пола, заслоняя телами подкроватное пространство, молчали. У них дрожали губы и, казалось, слюна падала с зубов. Или это ему только показалось?

– Звери! – прошипела Тамара, плюнула и вышла вон.
Вернулись к фургону.

Он уже был пуст.

– Самообслуживание, блин! – сказала Тамара. – Ну, как-жись, поехали домой.

Захлопнула заднюю дверцу фургона, открыла кабину.

– А наша помощь где? – раздалось сзади.

Подошли еще человек пятнадцать.

– Уже, – сказала Тамара.

– То есть как «уже»?! – завозмущались люди. – Где наши посылки? Опять обман?

– Внимание, – железным голосом сказала Тамара. – Мы привезли сюда пятьдесят шесть коробок. Ровно по числу проживающих в данном пункте временного размещения. Вот накладная, – вытасила из кармана бумагу, развернула, потыкала пальцем в цифры прямо перед носом самого старшего мужчины – смуглого, седого и тощего.

Тот моргал глазами, поправлял очки.

– Увидели? Поняли? Еще кто хочет посмотреть? Нет? – Она спрятала накладную обратно в карман, застегнула его на молнию. – А что ваши соседи всё разокрали в две минуты, так вы сами с ними разбирайтесь.

– Под расписку надо было выдавать! – крикнули сзади. – Стеречь было надо!

– Так я, значит, и виновата? – возмутилась Тамара.

– Где наши посылки? Отдайте наши посылки! Жулики

московские! Отдайте, хуже будет!

Люди обступили машину. Никите стало чуточку страшно: а вдруг они их не выпустят, устроят самосуд, черт знает. «Несчастные, отчаявшиеся люди, – думал он. – От таких можно всего ожидать. Вплоть до».

– Стоп! – Тамара снова отперла заднюю дверцу фургона. – Смотрите! Все пусто. Ничего нет. Всё ваши дружки-приятели разокрали. Ну, – наступала она, – чего смотрите?

– Нам жрать нечего! – крикнула женщина.

– На! – закричала Тамара, выхватила из кармана выкидной нож; щелкнуло лезвие. – На! – Тамара протянула этой женщине нож и свою левую руку. – Отрежь кусок, зажарь и сожри! Больше у меня ничего нету!

Женщина зарыдала. Старики оттащили ее. Тамара спрятала нож. Люди стали медленно расходиться.

* * *

– Звери, – вздыхала Тамара, гоня машину по шоссе. – Чистые звери. У своих крадут.

– Это несчастные люди! – Никита в ответ качал головой. – Ты хоть представляешь себе, чего они натерпелись? Полный обвал, и впереди ничего. Никаких перспектив. Никакого будущего. Вообще. Это же страшно! Я не могу их ругать и осуждать. Вот честно, не могу.

– Звери, звери, – повторяла она. – Я к этим бабам при-

смотрелась, которые лишнюю посылку сп...здили. Обе беременные. На шестом примерно месяце, точно говорю.

– Ну и что?

– А то, что они здесь уже больше года торчат. Они уже здесь между собой перетрахались. Погоди, они еще размножаться начнут. Уссаться.

– А ты злая, – сказал Никита.

– Зато ты добрый. Минус на плюс, в результате нолик.

Небо потемнело. Сверкнуло, загрохотало. Они въехали в ливень.

– Люблю грозу в конце апреля, когда весенний что-то там! – засмеялась Тамара. – Стоп. Смотри, прямо завеса водяная. Я не могу вести. Ничего не вижу. Постоим?

– Постоим.

Тамара съехала на обочину, заглушила двигатель.

– Радио включить?

– Не надо, – сказал Никита. – Давай послушаем дождь.

Дождь и в самом деле на разные голоса тарабанил по капоту, по крыше, по стеклу. Дворники попискивали, не справляясь со струями воды.

– Послушаем дождь, – тихо повторила Тамара. – Кап-кап, трын-трын. Какой ты лирический. И добрый. Наверное, из богатой семьи? – Она выключила дворники, и в кабине стало еще темнее.

– Ну, так, – сказал Никита. – Более-менее обеспеченные. Папа доцент. Мама просто старший преподаватель.

– Тю! – сказала Тамара. – У меня покойный папа был профессор МАИ, а мама была секретарь Фрунзенского райкома партии. По оргработе. А я вот получилась злая. Поцелуй меня за это.

Она что-то нажала под его сиденьем, и спинка откинулась назад. Она налегла на него сбоку. Они долго целовались, потом она левой рукой стала освобождать его от одежды.

– Ох ты, – лопотала она ему прямо в ухо. – Ох ты какой... Ох, я уже вся мокренькая... Давай я на тебя присяду, м-м-м?
– М-м-м... – кивнул он.

Она задрала юбку и что-то сделала со своими трусами – наверное, сдвинула на сторону.

– Вот ты какой, – громко вскрикивала она. – Ну ты какой...

Никита чувствовал, что ему просто прекрасно, как не было, пожалуй, никогда, – из-за какого-то сладкого легкомыслия, до сих пор не испытанного ни разу. Он всегда сдерживался, затягивал время, чтоб женщине подольше было приятно, и следил за собой, чтоб вовремя вытащить, а тут он чувствовал беззаботное и безнаказанное удовольствие. Но все-таки спросил, скорее, по привычке:

– Можно?

– Давай! – задрожала она и потом застонала: – Ой, как тебя много... Ой, как хорошо...

– Не боишься? – шепнул он.

– *Главное, ты сам не бойся!* – сказала она. – Платок но-

совой есть?

– В кармане брюк, достань сама, мне далеко тянуться.

– Спасибо.

* * *

Но эти слова – «главное, ты сам не бойся!» – Никита не забыл.

Особенно стал помнить после восемнадцатого июня, это был день его рождения, сорок лет, и папа-доцент произносил тост и сказал: «Главное, сынище, ничего не бойся! Понял, что отец говорит? Главное – не бойся!» Кажется, Никита даже покраснел, потому что рядом с ним, во главе стола, сидела его жена, и она засмеялась, и чокнулась с ним, и сказала: «Вот именно! Слушай папу!»

Потому что жена считала его человеком, мягко говоря, нерешительным.

«Что же она тогда в виду имела? – сотый раз спрашивал себя Никита. – Ну, конечно, скорее всего, какую-то обыкновенную ерунду. Типа не бойся, не залечу. А если залечу, то сама справлюсь. Скорее всего, так. А может быть, в другом смысле? Что она такая отвязная, захочет – забеременеет и родит? Безо всяких мыслей о будущем? Вот как эти тет-ки-беженки. Ужас».

В конце июля, после отпуска, он пришел в фонд «Гуманус» получить бумагу о том, что он является членом общественного совета. Якобы это нужно было в отделе кадров его института. Так он объяснил жене.

В коридоре он сразу же наткнулся на Тамару.

Она была в той же самой камуфляжной юбке и в жилете с двадцатью карманами. Только вместо тяжелых шнурованных ботинок на ней были босоножки; виднелись толстые пальцы с короткими некрашеными ногтями.

Но главное, у нее торчал беременный живот. Несильно, но явственно.

– Привет, Никита Николаевич. – Она спокойно чмокнула его в щеку. – Как дела, как жизнь, как успехи?

– Привет, – сказал он, приобняв ее за плечи. – Ты...

– Что я? – Она немного нарочито подняла брови.

– Ты беременна?

– Нет, что ты! – засмеялась Тамара, хлопая себя по животу. – Пирожков наелась в буфете! С капустой!

– То есть...

– Ты, вообще, считать умеешь? – Она засмеялась еще громче и стала загибать пальцы. – Май, июнь, сейчас июль! За три месяца такое не нарастает. – Она снова хлопнула себя по животу. – Не тоскуй, Никита Николаевич, все хорошо.

– То есть ты уже была беременна?

Она кивнула.

– Ты, наверное, замужем?

Она кивнула снова.

– А кто твой муж?

– Ну, всё тебе сразу расскажи! – хмыкнула она.

– Ладно, – вздохнул Никита. – Хорошо. Тогда пока.

– Погоди, – сказала Тамара. – Минутку. В воскресенье надо ехать гуманитарку раздавать. Лагерь под Шатурой. Отъезд отсюда в девять ноль-ноль. Я тебя запишу к себе в пару?

– Конечно, – сказал он. – Обязательно.

Евгений ПОПОВ

«Случай» на станции Варварка *Святочный рассказ «из жизни»*

– Вот над новыми русскими когда-то повадились смеяться и сочинять про них анекдоты, а ведь они всегда были совершенно разные, не говоря уже о крайностях, когда один олигарх убил жену с расчленением и шьет рукавицы в Красноярском крае, а другой выиграл у англичан миллион фунтов и вступил в партию, название которой я не выдам даже под пытками. Заодно не спрашивайте меня, почему я терпеть не могу недорогие мужские духи «Пол Смит»...

Иван Иванович лукаво, как Ленин, прищурился на нас, и мы все замерли в ожидании его нового интересного рассказа «из жизни». Все мы – я, Фофанов, Егорчиков, Абдрашитов, Шепета, Колесов, Ким, Лобычев, Кабаков, Гаврилов, Кац, Салимон.

– Если уж тебе в чем не везет, то с этим совершенно и не надо бороться, – решил наконец новый русский Эдик, когда отроги Сихотэ-Алиня затянул предательский туман и стало понятно, что ни один самолет сейчас взлететь не может, а тем более спортивная «Сесна», принадлежащая лично Эдику, которой он управлялсам, не доверяя этот дорогостоящий

механизм более никому на свете.

Тоска не отпускала. Эдик мучился, потому что никак не мог понять, что это такое – тоска, когда последнее время дела идут так ладно. Не то что в прежние близкие времена, где его компаньоны вдруг оказывались предателями, дефолт караулил человека за каждым углом и даже прекрасные женские глаза светились знаком «\$», как электролампочка вольфрамовой нитью. На одной из обладательниц таких глаз он и женился тогда, хотя сейчас их совместная жизнь явно зашла в тупик: Эдик мечтал о сыне, жена рожать детей решительно не желала, утверждая, что «это портит фигуру». А фигура ей была ой как нужна на пляжах экзотических стран и островов, куда она обычно ездила в одиночестве, утверждая, что «супруги время от времени должны отдыхать друг от друга».

В проходящий поезд «Москва – Владивосток» он сел без труда, потому что билеты сейчас, надо прямо сказать, стали довольно дорогие, а если даже их нет, то всегда есть билеты в вагон «СВ», которые еще дороже.

А Эдик, как вы понимаете, был богат, относительно богат, потому что абсолютных богачей не существует, равно как и абсолютных бедняков. Человеку всегда есть куда развиваться: вверх ли, вниз ли, влево, вправо – все равно. Человек ведь вовсе не безнадежен, как бы об этом ни твердили различные исследователи человека, начиная от времен Гомера и заканчивая временами Сорокина.

Главное, как это ни странно, чтобы человек был хороший.

А Эдик этот наш был ну уж, может быть, и не так хорош, как ангел, но уж и не такая дрянь вроде черта, каковыми являлись и являются многие деятели его сословия, отдельные представители которых вдруг безвременно, в расцвете злых сил оказывались на кладбищах, зато другие вдруг взлетали на такую высоту, где их и установкой «Град» не достанешь.

Эдик всегда пытался вести свои дела честно, помня, что первоначальный капитал ему достался в прямом и переносном смысле от Бога. Дело в том, что на самой заре начала конца перестройки он вдруг оказался в братской черноморской стране на букву Б., где еще всюду свирепствовали старые порядки и в частности было запрещено верить в Бога и торговать иконами. А у нас в России уже всюду выпускали бумажные иконки. Эдик тогда признал денег у родственников и коллег по Центральной научно-исследовательской лаборатории Министерства цветной металлургии, где он парился в качестве младшего научного сотрудника, и, прикупив таких бумажных иконок на все эти деньги, перевез товар в братскую страну Б., где с помощью уже новых коллег, зарубежных компаньонов по бизнесу, наклеил иконки на полированные, тонированные деревянные дощечки, которые были проданы с прибылью более тысячи процентов. Дальнейшее – понятно. Сейчас, например, он занимался разработкой заброшенных молибденовых рудников. И здесь тоже все было по-честному. Потому что, во-первых, до рудников из-за низкого содержания в них молибдена и золота никому

не было дела, а во-вторых, Эдик решил на месте организовать переработку руды до состояния конкурентоспособного концентрата, отчего и оказался перед самым Новым годом в этих диких для него дальневосточных краях.

– Может, в картишки перекинемся, – предложил ему сосед, так и не представившийся по имени вальяжный господин с набриолиненной головой, резко пахнувший недорогими мужскими духами «Пол Смит».

Эдик отрицательно покачал головой.

– Тогда... может это... глоточек виски со льдом, – заторопился вальяжный, искоса поглядывая на дорогой кожаный портфель странного попутчика, возникшего в этом двухместном купе буквально ниоткуда и вот уже полчаса молча глядящего в темное окошко, за которым своей отдельной жизнью жила невидимая Россия.

– Нет, не хочу, – сказал Эдик.

– Почему? – искренне удивился его визави.

– Тоска потому что, – нелюбезно ответил Эдик и вышел в коридор, резко затворив за собой дверь. Растворил другую дверь и шагнул в морозный тамбур, чтобы продышаться перед походом в вагон-ресторан. Поезд внезапно замедлил ход, и сквозь морозное стекло вагона перед Эдиком вдруг мелькнуло тусклое «Ст. Варварка Приморско-Сиб. ж. д.».

И будто какая-то неведомая сила заставила Эдика рвануть обратно в купе, схватить портфель, натянуть кожаную куртку и выскочить из поезда уже практически на ходу, не

обращая внимания на удивленные причитания проводницы: «Пассажир, вы куда?».

Остановился. Огляделся. Все было как прежде, двадцать с лишним лет назад, когда студентом Московского геолого-разведочного института имени С. Орджоникидзе он проходил здесь практику на молибденовом комбинате, изнывая от скуки по столице. Да нет! Здание станции было аккуратно оштукатурено, пластиковые окна помещения говорили о наличии в нем евроремонта, уютно светилась неоновая витая вывеска «Кафе “Случай”». Эдик зашел.

В кафе было практически пусто, если не считать одной явно влюбленной парочки, занявшей угловой столик, украшенный предновогодней едой и бутылкой шампанского. Из динамиков тихо играла ненавязчивая музыка, и Эдик, тоже занявший стол, с удивлением узнал в этих звуках мотивы своего любимого Первого концерта для скрипки с оркестром Мендельсона.

То есть любимого тогда, двадцать с лишним лет назад, и здесь, на бедной станции Варварка, где он познакомился с Галочкой, юной учительницей литературы средней школы, куда она только что прибыла по распределению из громадного сибирского города К., стоявшего на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан. Именно она и приохотила молодого геолога, которому, по его собственному признанию, «медведь на ухо наступил», к классической музыке, именно под звуки этого Первого концерта они жарко

любили друг друга тогда, перед тем как расстаться навсегда.

– Кто-нибудь, подойдите ко мне! – Эдик решительно постучал столовым ножом по графину с водой, уже стоявшему на чистой скатерти в окружении комбинации приборов-приправ: соль, перец, уксус, масло. «Прямо как на Западе, – зло усмехнулся он. – А обслуживание как было, так и осталось совковое».

– Извините, заговорился, вот меню, – перед ним, покинув свою спутницу, чуть-чуть прихрамывая, остановился один из «влюбленных», рослый парень в черном костюме с зауженными лацканами.

– Да нет, это вы меня извините, – невольно смутился Эдик. – Я ведь, собственно, никуда не спешу.

– Мы с мамой, признаться, не ожидали сегодня посетитель, – сказал парень, который пристально... да-да, пожалуй, даже слишком пристально всматривался в лицо странного клиента.

– С мамой? – удивился Эдик, переведя взгляд на аккуратно причесанную девушку, которая приветливо махнула ему рукой из-за углового столика.

– Нет. – Парень замялся. – Это – моя невеста Лена. А кафе принадлежит моей матери. Я же просто работаю у нее и учусь заочно в Педакадемии, после того как пришел с той войны, о которой уж давайте не будем сегодня говорить, в этот праздничный день... Эдуард Иванович.

– Вы знаете меня? – удивился Эдик, не веря своим ушам.

– Да, Эдуард Иванович, – просто сказал парень. – Ведь ваш портрет я однажды нашел в бумагах мамы, и тогда она была наконец-то вынуждена ответить мне, как зовут моего отца. Но она... она никогда вас ни в чем не обвиняла. Она говорила лишь, что «так получилось». Она ведь так и не вышла больше замуж. Она до сих пор любит вас.

– Стой. Постой. Ты ничего не путаешь? Тебе сколько лет?

– Двадцать с лишним... папа, – тихо сказал парень.

– Так приди же ты скорей в мои объятия, сынок! – Эдик неловко поднялся, и предательские слезы потекли из его на секунду ослепших от счастья глаз. – Но я же ведь ничего не знал. Почему? Почему она не написала, не позвонила мне? – все твердил и твердил он.

– Вы бы знали, какая она гордая, наша мама. Ведь и сейчас она делает вид, что все о'кей, хотя и молибденовый рудник, и обогатительная фабрика – всё теперь стоит в ожидании настоящего хозяина, – сказал парень.

– Все поезда куда-то уходят, а я остаюсь, – вдруг пробормотал Эдик.

Они все еще стояли обнявшись. И лишь поэтому не видели, как открылась дверь и на пороге появилась статная, высокая, все еще красивая женщина с седой прядкой волос и бездонными голубыми глазами, так и не потерявшими прежней чистоты.

– Галина Никифоровна, не мешайте им, – сказала Лена, приложив палец к губам в ответ на ее немой вопрос.

Тихо падали снежинки. Играла тихая музыка. Вальяжный господин, оставшийся в одиночестве двухместного купе поезда «Владивосток – Москва» был сильно разочарован. В дорогом бумажнике тисненой кожи, который он успел вытащить из портфеля полоумного попутчика-растяпы, не было ничего: ни денег, ни кредиток, ни документов. Ничего, кроме портрета юной женщины, миловидным лицом которой невольно залюбовался даже этот мелкий набриолиненный негодяй, резко пахнувший недорогими мужскими духами «Пол Смит». И юное миловидное лицо молча смотрело на него. Было двенадцать. Было двенадцать.

Было двенадцать. Было двенадцать.

– Ну, что же вы это приуныли, друзья? Ведь жизнь продолжается, – улыбнулся Иван Иванович, закончив свой рассказ.

И мы все заулыбались, задвигались. Все мы: я, Фофанов, Егорчиков, Абдрашитов, Шепета, Колесов, Ким, Лобычев, Кабаков, Гаврилов, Кац, Салимон.

Наш поезд летел вперед, на восток.

– Жизнь скоро будет совсем замечательная, – сказал Иван Иваныч.

Марина АХМЕДОВА

Корова

рассказ

«Погуляла и хватит, погуляла и хватит», – повторяет про себя Галя, когда выходит из рощи, из запаха муравьиной кислоты и земляных грибов на яркий солнечный свет. Он ослепляет ее на миг, и в этот миг Галя надеется увидеть Зайку пьющей из речки.

– Зайка! – строго кричит она.

Три желтые коровы, аккуратно пившие из мелкого течения, в котором едва смогли утонуть велосипедные шины, испуганно бросаются на берег и уходят, повиливая хвостами, в высокий сорняк.

Галя заходит на мост, берется за шершавые, горячие от солнца перила и смотрит на острые макушки темно-зеленых елей, отчетливо прорезающихся на фоне искрящегося синевой неба.

Что-то тянет ее смотреть в сторону леса, а не на село, где у самой реки, на краю, кривится злополучный дом. Дом Гороховых – с заросшим бурьяном огородом, а у других в это время уже поднимается картошка. Дом Гороховых – самый близкий к речке. Все в округе слышат ее голос и понимают: Галя Зайку ищет.

Галя опускает голову. Река мутнеет, камушки и бутылки, лежащие на грязном дне, размываются, оттого что Галя смотрит на них сквозь мутную линзу слез. Слезы наконец отрываются от глаз, падают в недвижную водную гладь речушки, никак не побеспокоив ее.

Галя касается согнутыми пальцами ресниц и чувствует, что всего две слезы забрали у нее силу. Раньше она плакала не так: в последний раз плакала три года назад – по мужу, который ушел к другой в Мую. Плакала весь год, все триста шестьдесят пять дней, а потом перестала. В тот год слезы шли просто, и чем сильнее, тем больше сил появлялось на то, чтобы плакать.

– Зайка! – кричит она, голосом приказывая отозваться.

Кричит так громко, чтобы в доме Гороховых слышали. И тон выбрала такой, чтобы Гороховы понимали: это им она приказывает вернуть Зайку, рыжую покладистую корову, такую беззлобную и безобидную, что Галя, назвав ее сначала Зойкой, незаметно для себя отказалась от первой клички и стала звать ее ласково – Заинька, Зайка.

Эти – вечные тунеядцы и алкоголики Гороховы – могли ее увести. Других коров не тронули – охота им разбираться с хозяевами? – а Зайка старая, за нее спросу меньше: зарезал, и всё. И Галю можно не бояться, она с тех пор, как Сергей ушел в Мую, одна.

В голову печет, но она все смотрит и смотрит на лес – высокий, он забирается на гору, но никогда солнце, как бы жар-

ко оно ни палило, не могло выбить из него ярких красок. С расстояния он всегда оставался темным, в отличие от лугов, лежащих у горы. Луга пестрели оттенками зеленого, хоть на них и росла одна и та же трава – все зависело от того, под каким углом на них солнце ляжет.

Люди стали ее меньше уважать – это она заметила еще в первые недели, как осталась без мужа. Галя ничего не сделала такого, чтобы люди переменялись к ней. А у селян все равно появилось пренебрежение. Она была уверена, что ни бывшему мужу, ни людям ничего дурного не сделала. И она жаловалась на людей, обращаясь вверх, к небу. В Бога Галя, как и все тут в селе, не особо верила, но чувствовала, что над горой, над лесом, над животными и над людьми есть еще что-то, высший разум какой-то. И ей хотелось, чтоб этот разум понимал, как несправедливо то, что произошло с ней. Ведь должен этот высший разум существовать хотя бы для того, чтобы понимать человека, когда все вокруг его не понимают.

Оставшись одна, Галя в первый год часто выходила из своего дома под ночь и сидела на лавке во дворе, глядя в небо, в котором высший разум зажигал звезды низко, как под куполом планетария. Про себя она спрашивала: почему Сергей ушел – и просила вернуть его обратно домой, веря, что и это зависит от высшего разума, если тот ее, конечно, понимает. Сидя в темноте, она находила созвездия, вычленяла их из разбросанных по небу звезд, очерчивала глазами их грани, как когда-то, еще в школе, она обводила карандашом созвез-

дия в астрономическом атласе. Галя мечтала стать астрономом, но стала продавщицей.

Через год Сергей все-таки не вернулся, слезы почему-то кончились, и Галина перестала разговаривать с высшим разумом. Сейчас она не просила его за Зайку. Но иногда думала: ему, находящемуся выше всего видимого, может просто не нравится, когда люди обращаются к нему с вопросами, ответы на которые знают сами.

Дом Гороховых стоит криво. Пристроенный к нему черный сарай съезжает по склону, почти не оставляя между прогнившей стеной и косым забором зазора. Зелень под забором растет сочная, но то плохая трава – просо сорное, крапива, рогачка.

Людам, живущим в таком доме, ничего не стоит позариться на чужое, поднять руку на животину. Что им корова, когда они с детства родную мать били. Все село знало, как бьет Дарью пьяный муж Игорь. Он и трезвый ее бил, но с еще большим смаком. А устав бить, подговаривал сыновей: «Бейте ее, не жалейте». И они били – сначала отца боялись послушаться, а потом били уже с удовольствием.

Дарья еще жива, а муж ее давно умер – утонул пьяный в водохранилище. Один сын отсидел в Иркутске за кражу, только вернулся. Второй зимой пьяный всю ночь на снегу пролежал, отморозил руки и ноги. Теперь калека, не встает, а местные алкоголики, которым Галя давно уже, несмотря ни на какие уговоры, не отпускает в долг, в этот дом тянутся,

как на мед.

Она спускается с моста и направляется к дому Гороховых. Уже четвертый день она приходит сюда в надежде на чудо – увидеть Зайку среди других коров. И четвертый день хочет Галя зайти в дом Гороховых и сказать: «Съели так съели, уроды. Только мне скажите, чтоб больше я ее не искала, если так».

Может так совпало, что в это же время из тюрьмы вернулся старший сын Гороховых.

В тот вечер, не дождавшись Зайки, Галя побежала на речку, вернулась одна, уложила дочь спать, поспешила к соседям. Попросила жилистого, сорокалетнего Володю Сомова и молодого коренастого Сашу Ямова, только что вернувшегося с покоса, пойти с нею в лес – Зайку искать. Прошли лес от начала до конца, от конца до начала, справа налево, слева направо, светя фонарями между стволами. До самого водохранилища через лес дошли, и фонарный белый свет, будто палками, поворошил там дурную траву, кустарник, мусор, оставленный отдыхающими, и, когда дошел до серой кромки воды, сердце у Гали екнуло, словно потревожил искусственный свет воду и то, что она скрывала под собой. И то самое чувство, которое обычно приходило к ней, когда она в дневное время оказывалась рядом с водохранилищем, сейчас поздним вечером обожгло ее и, заполнив вены, быстро остыло закупоренным ужасом.

В голове ожили рассказы бабы и деда, родившихся тут и

живших на земле, покрытой сейчас водой, пока им не приказали покинуть свой дом и переехать на новое место. Там внизу – несколько деревень с домами, кладбищами, пастбищами и кедрами. Толстоствольными кедрами. А больше на сто километров радиуса вокруг Юголока кедры не растут.

Купаться Галя тут никогда не могла, и никто из ее ровесников – до тридцати пяти лет – не мог. А те, кто моложе, купались: им бабы и деды не рассказывали на ночь о доброй земле, где росла земляника – в июне уже красная с двух боков, светило самое ласковое солнце и цвела самая белая черемуха.

Гале в ту ночь приснился сон: будто баба выходит из воды и выводит Зайку, держа за левый рог. Луны нет, но баба и Зайка посеребрены белым светом фонаря, который светит откуда-то с неба.

Галя, проснувшись, встала, накинула на разгоряченное тело халат и вышла в ночь. Она опустилась на лавку и смотрела на созвездия. В это время года звезды низко опускаются над землей, показываются даже крупичные, и сейчас, в августе, можно даже увидеть, как некоторые звезды падают с небосвода и летят за гору, на то широкое поле, где пастбища.

Галя смотрела на небо, и настоящий, не искусственный свет звезд успокоил ее. Галя сказала себе, что Зайка жива.

А теперь Галя стоит у гороховского дома. Дальше – только сараи и брошенные дома. Она неодобрительно качает головой, глядя на утлое хозяйство Гороховых. Решительно раз-

вернувшись, не зайдя в тот дом, Галя идет по тропинке спиной к лесу.

В траве вдоль тропинки жужжит и звенит. И чем ниже опускается солнце, тем земля звенит сильнее, словно в ней работает бесперебойный генератор, в котором каждое насекомое и каждый стебель знают свою роль и свое место...

Лес темнеет за спиной Гали, и, когда она отходит от дома Гороховых на приличное расстояние, между еловыми лапами высовывается рыжая голова тощей коровы. Темные ласковые глаза коровы тягостно смотрят на удаляющуюся хозяйку.

Галя спускается к сельскому клубу – вытянутому строению, похожему на коровник. Красная дверь клуба плотно закрыта, будто навсегда. От клуба Галя выходит на улицу Ленина. Дома в Юголоке – в один этаж, одинаковые, собранные из бревен, почерневшие, но многие украшены белыми, желтыми и голубыми резными наличниками. У каждого дома в огороде сочно поднимается картошка, а от дров, сложенных у заборов, пахнет смолой – горько сосновой и сладко березовой.

Слышится стрекот. На красном, похожем на муравья мотоцикле к ней подъезжает сосед, пенсионер Анатолий. «Сейчас спросит про Зайку, – думает Галя. – А потом, втягивая щеки, скажет, зря я с ней тянула». В последний год сельчане заладили спрашивать Галю, почему она не режет свою Зай-

ку – корову старую, давно не дающую молока. Подсчитывали, сколько сена съедает ее корова, а Галя – мать-одиночка. Ей должно быть накладно без проку корову держать. Шутливо отмахиваясь от вопросов, Галя про себя раздражалась: можно подумать, Зайка ест сено, купленное из их кармана, а не из ее собственного.

Соседу Анатолию Галя отпускала мясных продуктов в долг не скупясь. Тем более хозяйка магазина, в котором она работала, Алена поощряла продуктовые долги: чем больше люди брали под роспись, тем больше возвращали с получки и с пенсии. Но с позапрошлой пенсии сосед не вернул ни рубля, и с прошлой тоже. Оттого, видать, в его глазах теперь при встречах с Галей появляется этот подобострастный блеск.

Сосед тормозит мотоцикл, оттолкнувшись ногой от желтой земли. Одним взглядом Галя вырезает его из пространства всего по пояс – блеклые сухие глаза, съеденные щеки, тонкий синеющий рот. Ворот белой рубахи, расстегнутой на впалой, смуглой от знойного солнца груди, глубокие складки на морщинистой шее – темные, словно в них аккуратно насыпали щепоть грязи, поднятой с земли. Серую нитку на шее с ключиком вместо крестика. Всю жизнь он носил этот ключ на простой нитке. Так давно носил, что уже никто и не спрашивал, от чего этот ключ, и какой замок отпирает, да и существует ли этот замок.

– Зайку ходила смотреть? Не нашла? – спрашивает Анатолий, прокручивая в сухих ладонях ручки руля и втягивая

щеки. В последнее время усилилась в нем эта привычка – всасывать щеки, будто самого себя поедом ест.

Галя ничего не отвечает, ведь и так ясно: если б нашла, она и Зайка сейчас стояли бы вместе.

– Предлагал же я, – говорит он, с деланным сожалением заглянув ей в глаза.

С неделю назад Анатолий приходил к ней. Позвонил в звонок у калитки, зашел во двор, сухо, гулко и глубоко откашливаясь. Галя вышла из дома. Сосед протянул надутый пузырем пакет. Ручки пакета были завязаны, а через пластиковые стенки просвечивала желтая вода, в которой лежало что-то темное.

– Сома тебе принес, – сказал он. – На рыбалку с утра на водохранилище ходил. Мы с женой уже одного изжарили – обалденно вкусный. Иди, унеси пакет в кухню, разговор у меня к тебе есть.

Галя зашла в дом, неся пакет на вытянутых руках. Опустила его в раковину и вернулась во двор.

– Вчера шел по дороге, – серьезным тоном заговорил сосед, – коровы с луга возвращались, и твоя Зайка среди них. Я так посмотрел на нее, а она идет, на передние ноги прихрамывает. Присмотрелся: суставы надутые, плохо гнутся. Знаешь, что это? Водянка. Хочу поближе рассмотреть. Пустишь?

Галя отстранилась с узкой дорожки между стеной дома и зеленым забором, пропуская соседа к хлеву. Поправляя по-

деловому козырек мятой кепки, он обошел дом.

Зайка подняла рыжую голову и неловко встала на четыре ноги. Пятясь задом, она отошла к бревенчатой занозной стене и прилипла к ней, мотая головой, часто дыша и с тревогой глядя на Анатолия.

Галя вошла следом за ним. Открыв дверцу стойла, она поспешила к Зайке, взяла за левый рог, погладила по шее, чувствуя на плече влажную испарину коровьего дыхания. Запрокинув рогатую голову, Зайка беспокойно поймала глаза хозяйки.

– Тихо, Зайка, сказала – стой! – приказала она.

Анатолий тоже втиснулся в стойло, поймал коровье колено и сжал его. Пальцы с желтыми от никотина ногтями провалились в водянистую плоть. «Будто в магазине, – подумала про себя Галя, – щупает палку розовой колбасы. Что ему за дело до Зайки? Услужить хочет, как будто мне лично задался».

– Да, водянка, – важно сказал сосед, выпрямляясь. – Будем резать? – спросил, вытирая руку о серые штаны, коротко подбитые снизу над костлявой синеватой щиколоткой. – Если надо, я помогу, – продолжил он, принимая ее молчание за нерешительность. – Ты только скажи.

Зайка стояла смирно. Ладонь Гали, сжимающая рог, стала влажной. Лето жарило, вползая в открытые двери облаком теплых травяных паров, будто воздушная влага взяла звуки и запахи в пузыри, низко летающие над землей.

– У нас такое же самое с коровой было, – продолжал говорить сосед. – Так она старой была – двенадцать лет. А твоей Зайке и того больше. Я тогда сам справился. – Он с гордостью махнул рукой. – Никого звать не стал, только супруга помогала. А момент упустишь, сама околеет, кому тогда мясо – только собакам.

Он вышел из хлева под напором Галя, двинувшейся на него. Но еще до самой калитки уговаривал ее решить вопрос сейчас. Проводив его, Галя пошла к дому и села у входной двери. Летний жар оглушал, звон, любимый ею с детства, всегда вселявший радость, отуманивал и сейчас, когда ей уже было тридцать пять, звучал однообразно, бесконечно для земного мира, но временно для нее, принося мысль, что скоро все закончится, как закончилось для Зайки, и ничего больше не поменяется, все будет только уходить, и не будет больше ничего нового, а все то новое, которое когда-то в жизни было, уже превратилось в старое. Галя встряхнула головой, и пузырь зноя, сидевший над ней, лопнул, пролив на нее заключенные в нем звуки, и она услышала звук работающего в доме телевизора, голос дочки и негромкое мычание Зайки.

Галя собралась пойти в хлев, успокоить ее, но вспомнила о соме. Она развязала пакет. В нос ударил илистый дух. Блеснула черная глянцевая спина сома. Галя подцепила пакет снизу и слила в мойку желтую воду. Вытряхнула неподвижного, задохнувшегося сома, и тот лег полукругом, при-

нимая форму мойки, его черные водянистые усы распустились по ней, попав кончиками в слив.

Галя включила воду, и та несильной струйкой полилась сому на спину, смывая черный ил со спины. За сомами на водохранилище начинали ходить, когда зацветал шиповник – тогда начинался нерест у них. Август был рыбным сезоном в Юголоке – возле домов жирным соленым столбом стоял запах жареной рыбы.

Галя взяла нож. В кухне запахло болотом и илом. Такой же запах имели те картинки, которые рисовались в ее голове, когда баба или дед расписывали родную деревню, затопленную под ГЭС. Они говорили о падах, в которых всегда раньше, чем в других деревнях, попевала земляника, о солнце, падающем на их село под особым углом, о земле, в которой был только чернозем, а рыжей, будто ржавчина, глины, как в Юголоке, в их земле вообще не было. Хотя та земля и эта земля – одна земля. И считалась бы одним, если бы ее не поделили гора и люди.

Эти сказочные картинки как будто сидели в игрушечном стеклянном шаре, заполненном желтой водой водохранилища, и, если шар встряхнуть, с его дна вместо снега поднимется ил, и поплывут из-под черемухи, из-под веселых домов, из-под краснобокой земляники, из-под кладбищенских плит сомы – усатые, гладкие, извилистые.

Она провела лезвием ножа по спине рыбы и получила оглушающую сырую оплеуху хвостом в лицо. Галя ахнула и

откинулась назад. Сом перевалился через борт мойки, мокро шлепнулся на крашенный пол и пополз по кухне, мотая головой из стороны в сторону, ища щель, по которой смог бы уйти в воду. По полу за ним потянулся скользкий след, и чем дальше сом полз, не находя выхода, тем ожесточенней, чаще мотал головой, изгибаясь посередине и при каждом изгибе наотмашь ударяя себя хвостом по тупой голове. Галя замерла от ужаса и отвращения, ей казалась, от нее уползает змея. Подумав о том, что в кухню может войти дочка, она бросилась к рыбе, упала на колени, поймала ее левой рукой. Прижала к полу. Сом изгибался, хлестал ее руку хвостом справа и слева. Галя тяжело всхрипывала, словно это она сама была рыбой. Галя плакала от гнева и отвращения, но только голосом, а не слезами.

Она подняла нож, сжав его сильно, и, отвернувшись, не боясь перерубить самой себе пальцы, ударила острием в рыбу голову, но в самый последний момент убавила силу, испугавшись, и острие только скользнуло по глянцевой черной голове, вспоров на ней кожу и показав розовое, набухающее кровью мясо. Рыба забилась бесом, хвост шлепал по руке, кожу жгло. Хребет сома будто стал железным жгутом, по которому пустили электричество. И это электричество входило в нее, сотрясало кости и хрящи рук, дрожало в горле, трясло сердце, будто Галя в ожидании казни сидела на электрическом стуле.

Она сжала рукоятку ножа и, набравшись новой силы, пре-

одолевая дрожь, поднесла лезвие к туловищу рыбы там, где кончалась голова. Поднасел на тупое ребро ножа коленом и упала на ягодицы, когда колено прошел хруст. Отталкиваясь от пола пятками, она поползла назад и замерла, сидела так долго и тихо, пока глаз в отрезанной рыбьей голове застывал студнем, а туловище еще изгибалось, ища хвостом голову, охлестывая пустоту, будто электрический разряд не сразу был выключен.

На следующий день Зайка пропала.

«Аметист» стоит почти за клубом – в низком кирпичном домике, который Алена арендует у администрации. Заметив Галю, она сходит с крылечка, на котором курила.

– Галка, привет. Все ищешь?

Галя не отвечает. Алена почмокала большими розовыми губами, будто с отвращением набирая из воздуха дым сигареты, которую, забыв затянуться, держит в руке. Проглотив дым, обхватывает свободной рукой подбородок снизу и так сдавливая уголки рта, что нижняя губа выпячивается, как у рыбы, вздернутой на крючке.

Эта привычка появилась у нее недавно – когда банк потребовал вернуть кредит, который они с мужем брали три года назад на поездку в Турцию, но потом перестали его гасить: Игорь потерял работу начальника бригады на лесопилке. Банк о долге не напоминал, и они подумали, он им его простил. Но банк копил проценты и этим летом напомнил о

себе, уколов Алену в самое сердце, заставив ее жаловаться на несправедливость жизни и проклинать отдых в Турции, который ей с самого начала не понравился.

С тех пор, как банк объявился, Галя ждала, когда же Алена заговорит с ней о продуктовых долгах.

– Галь, зайдем, – просит хозяйка.

Галя проходит с ней в подсобку через магазин, плотно заставленный тремя морозильными камерами с мороженым, окорочками и продуктами быстрого приготовления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.